

Галина Гончарова

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ. ПЕРВЫЕ УРОКИ
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ. ДОМАШНЯЯ РАБОТА
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ. ИНТРИГИ КОРОЛЕВСКОГО ДВОРА
СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ. ИЗНАНКА КОРОЛЕВСКОГО ДВОРЦА

•
ПРОЕКТ «КРЕЙСЕР»
СЕРДЦЕ КРЕЙСЕРА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Галина Гончарова

Средневековая история.
Изнанка королевского дворца

Фэнтези • Интриги • Приключения

Роман

Москва, 2014
 ARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г65

Серия основана в 2011 году
Выпуск 142

Художник
А. Клепаков

Гончарова Г.

Г65 Средневековая история. Изнанка королевского дворца:
Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. —
345 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1897-8

Наконец-то ее сиятельство графиня Иртон прибывает в столицу.
А что же дальше? Балы, танцы, кавалеры, любовь и интриги?

Увы. Работа и опять работа: вместо балов — налаживание производ-
ства, вместо танцев — деловые переговоры, вместо кавалеров то купцы,
то посланники из гильдии, а что до любви и интриг...

Особую любовь, наверное, испытывают наемные убийцы. А интри-
ги плетутся. Надо только найти интригана и выжить.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Галина Гончарова, 2014
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

ISBN 978-5-9922-1897-8

Для отрока, в ночи глядящего эстампы,
За каждым валом — даль, за каждой далью — вал.
Как этот мир велик в лучах рабочей лампы!
Ах, в памяти очах — как бесконечно мал!...
Душа наша — корабль, идущий в Эльдorado.
В блаженную страну ведет — какой пролив?
Вдруг среди гор и бездн и гидр морского ада —
Крик вахтенного: — Рай! Любовь! Блаженство! Риф.

Ш. Бодлер. Плавание¹

ПРОЛОГ

Ее сиятельство графиня Лилиан Элизабетта Мариэла Иртон смотрела на Альтвер. На этот раз с борта корабля.

Маленький городок. Крохотный. В ее масштабах — скорее село. Хотя не стоит равняться на ее масштабы.

Еще год назад ее сиятельство вовсе не была такой. Звали ее Алевтина Владимировна Скороленок, была она студенткой-медиком и жила спокойно и счастливо. Аккурат до автокатастрофы.

Лука масла, машина... Как мало надо, чтобы расстаться с жизнью?

Только вот ни рая, ни ада Аля не удостоилась. Она очнулась в теле средневековой графини. И не сразу даже поняла, куда попала.

Другой мир, другие люди, все незнакомое и страшное...

Как оказалось, графиня Лилиан, донор, потеряла ребенка. И умирала от родильной горячки. Реципиент же, то есть Аля, безумно хотела жить. В результате Алина душа и тело Лилиан совместились. И получилось что-то новое.

Аля не могла сказать, что она прежняя. У нее сохранились обрывки воспоминаний Лилиан-первой, ее мысли, ее желания. И в то же время личность Алевтины Скороленок была явно доминирующей. Ее поступки, ее мысли, ее навыки хирурга — все было доступно. Никаких провалов в памяти.

¹ Перевод М. Цветаевой.

Разумеется, Аля молчала о своем появлении. Кому же захочется стать объектом «охоты на ведьм». Или просто в сумасшедший дом. Даже в двадцать первом веке, если ты очнешься и заявишь, что являешься гостем из будущего, тебя упекут в психбольницу. А уж в Средние века... Да-да, в этом мире царили самые настоящие Средние века.

Порох, и тот еще не изобрели. Даже арбалеты пока не появились. Стреляли по старинке — из лука.

Так что Аля молчала. И пыталась кое-как выжить в новом для себя мире.

А это оказалось весьма нелегким делом. У Али было полное ощущение, что графиню Лилиан мечтает убить полстраны.

Мало ей было вора-управляющего, который развел в поместье контрабанду и работоторговлю. У нее оказался еще и муж. Вроде бы все естественно. Есть графиня, значит, должен быть и граф. Увы...

Граф оказался порядочной сволочью. Хотя... Существует ли градация порядочности сволочей? Эта порядочная, та — непорядочная, а вот эта — средней порядочности?

Лилиан фыркнула, глядя на волны. Приходят же мысли в голову.

Ладно. Самой себе надо признать, что граф Иртон был просто дитем своего века. И ключевых слов тут два.

Первое — дитё.

Не нравится игрушка? Под кровать ее! Шварк — и нет!

Не нравится жена? В дальнее поместье ее. С глаз долой. Произведет наследника — и пошла на фиг. Нет, на дорогу-то Лилию никто не выкинул бы. Но и интересоваться лишний раз не стали. А зачем такой интересоваться?

Глядя на себя в зеркало, Лиля честно признавалась — не красотка. Была. А вы назовете красавицей туповатую и истеричную грудку жира в розовых рюшечках? Она бы не назвала.

С другой стороны...

Рюшечки давно ушли в прошлое. Розовый цвет — тоже. Да и избыточная полнота осталась лишь в воспоминаниях. Нет, килограмм десять лишних еще было. Но при росте метр семьдесят — семьдесят пять весить надо не меньше шестидесяти пяти. И то будет мало. Лучше килограмм семьдесят пять.

Кстати, кость у Лилиан Иртон была достаточно широкая. Этакая шикарная валькирия. С роскошной косой и зелены-

ми глазами. Осталось только вытащить это на свет из жировых складок. То есть подчеркнуть талию. А остальное пусть остается. Например, бюст четвертого размера. Лишь бы не обвис...

Но внешность была не самой главной проблемой. Иногда Лиля даже вздыхала на эту тему.

Нет, как хорошо было бы — привести себя в порядок, обаять графа и всю оставшуюся жизнь наслаждаться тихим семейным счастьем.

Увы, сценарист такого не предусмотрел.

Во-первых, граф оказался в столице, а Лиля — в глуши.

Во-вторых, товарищ завел там любовницу. И та мгновенно постаралась избавиться от законной жены. Причем не один раз. И убийцу подсылала, и отряд наемников — отмахиваться замучились.

Так что обаяние откладывалось на неопределенный срок. Большой срок. С точки зрения Лили — порядочные мужики так не поступали.

Да, есть классическая поговорка: «Здоровый левак укрепляет брак». Но — здоровый. Допустим, есть отец семейства. У него пара детей, жена, теща... И он решает сходить налево.

Бывает.

Сходил, пришел, подарил жене колечко... никто ни о чем не знает. В том числе и жена с детьми. А любовница четко уяснила, что она — вторая. И жену на нее менять никто не собирается. Хоть ты на рога встань. Все проходит тихо и мирно. Вот это — левак здоровый.

А нездоровый... вот нездоровый и имел место быть в Лилином случае. Если ты перед всеми поливаешь свою жену и жалуешься на жизнь... ну и чего ожидать? Невольно любовница решит, что тебе нужно помочь избавиться от обузы. И поможет. Попытается. Далее возможны варианты.

В Лилином случае любовница осталась с носом. И не в тюрьме только потому, что супруг затащил ее в посольство. Его высочество Ричард Ативернский, принц страны, в которую Аля попала, решил жениться. И наносил визиты соседним королям с целью присмотреться к невестам. С ним, в составе посольства, поехал и граф Иртон. Разумеется, с любовницей. Графья — они такие, привередливые.

Вот за это Лиля была сильно обижена на «супруга».

Тут и без любовницы отмахиваться не успеваешь... То покушения, то отравления, то сосед-придурак, то жиголо всякие бегают... Если подсчитать, сколько раз на нее покушались... Аугусто Пиночет, конечно, пока выигрывает по очкам. Но у него и профессия более опасная.

А у нее?

Живет себе в глуши, падчерицу воспитывает... Да-да, супруг еще и дочь ей прислал, от второго брака. Лиля жила бы себе тихо и спокойно. Увы... Не получилось.

Если уж вас забросило в Средние века, вряд ли вы не захотите обеспечить себе хотя бы комфортные условия существования. А Аля достаточно много знала. Уж поверьте, медицина в любое время профессия востребованная. А жизнь с родителями по военным гарнизонам заставляет овладеть хотя бы минимальными навыками ведения хозяйства. Это — если лениться. Если же не лениться, чему только ни научишься. От стеклодувного дела до кружевоплетения. Это еще минимум навыков.

Вот Аля-Лилиан и решила вспомнить, чему училась.

Получилось так душевно, что заинтересовался даже король. Ладно, с ее подачи заинтересовался. Но у Али не было другого выбора. Либо она начинает поднимать шум, либо какой-нибудь убийца добьется своего. У нее одна жизнь. У заказчика бесконечное множество попыток. А находится он в столице.

Вот туда Лиля сейчас и плыла.

И намеревалась разбираться с заказавшим ее негодяем или негодьями по всем правилам высокого искусства детектива.

Сначала остановка в Альтвере. А потом — столица.

Ее сиятельство мечтательно улыбнулась, глядя на воду. Если ничего не делать, ничего и не получится. Она к таким личностям не относится. К тому же она уже не одна. За ней — ее падчерица, ставшая близкой и родной, ее люди, ее дело...

И вы предлагаете просто так сдать? Все простить и позабыть?

Не выйдет. Лавери, жди меня.

Я — иду.

Глава 1

АЛЬТВЕРСКАЯ ПАУТИНА

Карист Трелони лихо опрокинул рюмочку вишневки, закусил куском сочной ветчины и довольно выдохнул.

Красота! Можно даже сказать, восторг!

День прошел просто замечательно. Удалось сторговать кое-что из залежалого товара и по хорошей цене. Да и завтра к нему должны прийти люди.

Нет, что человеку еще надо? Дела вроде как ладятся, весна наступает, тепло, солнышко, крупное денежное вливание в середине зимы послужило неплохим подспорьем — он уже успел один раз прокрутить эти деньги, а может, и еще раз прокрутит, пока за ними кто-нибудь не явится.

Обманывать Карист не собирался. Не те люди. Но сделать небольшой гешефт — от этого купца и смерть не удержит. Тем более, Карист был из таких, кто ради прибыли и из гроба встанет.

Прибыли.

М-да...

Замечательное весеннее утро омрачила одна мысль. Барон Авермаль.

Вот ведь!

Не полагается благородным заниматься торговлей, а они все равно лезут. Мальдонаи на них нет!

Да еще как лезут... Раньше-то Авермаль так не разворачивался. А вот в эту зиму... Добыл откуда-то невиданные диковинки и принялся торговать. Словно с неба ему свалилось! Одно кружево чего стоит!

Карист был вполне осведомлен о его цене. И знал, что один из ханганов выложил кружевной платок золотыми монетами в два слоя. И считал, что дешево взял.

А янтарь? Ладно, обычный морской мед! Но белый? Алый?

А зеркала, в которых видишь себя так отчетливо, что даже страшно — вдруг сейчас из него выйдет двойник?

И все — ему!

Ужас!

Купцы не любили торговать зимой. Но к Торию только что не в очередь записывались. Понимали, что на таких вещах состояния сделать можно.

Карист и сам хотел. Куда там! Торий выслушал его и вежливо послал... погулять. Мол, у него уже компаньон есть, вот он и против посторонних в деле. Гад такой!

Знать бы, кто ему все это делает. Уж Карист не сплеховал бы. Развернулся. Да и господин заплатит за такое известие. В столице, кстати, появились и зеркала, и кружево... Но пока только у короля, принцесс и нескольких знатных людей. Откуда?

Прислала графиня Иртон. Это-то Карист знал. Но опять-таки...

У графини не спросишь. До Иртона далеко.... Да и откуда там такие чудеса? Захолустье! Дыра, куда солнце не заглядывает...

Размышления купца были оборваны грохотом двери.

— А?! — дернулся мужчина.

И застыл. В лавку входили... входила целая процессия. Первыми шли четверо вирман. Они быстро осмотрели все вокруг, заглянули в заднюю комнату, и Карист услышал лязг закрывающегося засова. А помощника он сам на сегодня отпустил. Хотя... будь тут хоть три помощника — вот много сопляки пятнадцати лет навоюют против таких акул?

Что-то подсказывало Каристу, что его и отряд королевской гвардии не спас бы. Уж слишком целеустремленными выглядели вирмане, набивающиеся в лавку. Двое из них подошли к купцу и встали по обе стороны, положив руки ему на плечи.

— Не дергайся.

— Г-господ-да... — Голос Кариста откровенно дрожал. Мужчина хотел поинтересоваться, что происходит, но не успел.

— Он тут один?

Голос был определенно женский.

— Один, госпожа. — Вирмане чуть ли не в струнку вытянулись.

И в лавку вошла Женщина.

Да-да, именно так, с большой буквы.

Вирманка? Сложно сказать. Такие золотые волосы встречались чаще всего у вирман. Но вот осанка.... И роскошное платье из черного шелка. И браслет с изумрудами на запястье. И перстень с графской короной...

А еще — ее манеры.

Вы можете взять вирманку с острова. Но сделать из нее знатную даму вы не сможете. Стоит ей начать двигаться, говорить, и обман раскроется. А эта...

Она привыкла, что ей подчиняются.

Ничего не боится. И... рассержена?

Женщина остановилась напротив Кариста Трелони. Посмотрела прямо ему в лицо. Кстати, ее глаза оказались потрясающего зеленого цвета. Как два изумруда.

В графском браслете...

— Ваше сиятельство?

Карист дураком не был. И догадался, с кем имеет дело.

— Угадал, любезнейший. — Голос графини внушал серьезные опасения. Как-то она так это говорила, что на ум приходили пыточные и эшафоты. — Я графиня Лилиан Иртон. А ты имеешь кое-какие дела с семейством Дарси.

Карист аж икнул от неожиданности.

— Ну, Дарси. Есть такие.

— Для них переводят деньги из столицы. Кто?

Карист и запыряться не стал. Зачем?

— Деньги привозит капитан корабля «Розовая чайка».

— Кому принадлежит этот корабль?

Помилуйте, да откуда ж ему это знать? Он-то не столичный, его делянка — это Альтвер. Немного торговли в Ивернее, но это и все. А почему его выбрали для передачи писем?

Так, госпожа, все ж просто. Здесь он — уважаемый человек, не из последних...

Лиля и сама видела, что мужик не врет. Дали ему деньги — он их передал. Вручили письмо — отослал. А кто, что, куда... иногда меньше знаешь — дольше живешь.

— Письма?

— Передавал, есть грех. Читать не читал, понимал, что иногда лучше не знать. Но передавал.

— Графство Иртон?

— Да, слышал. Ваше сиятельство, а не поведаете ли вы...

— Вопросы здесь задаю я, — отрезала Лиля.

Результаты были неутешительны. Карист знает мало. Слишком мало...

— «Розовая чайка». А еще корабли были?

— Один. «Золотая леди».

— Как звали капитана?

Допрос велся не по всем правилам. Но старательно. И даже с конспектами. Лиля все записывала, чтобы потом показать Ганцу Тримейну. Как звали капитана, штурмана, боцмана, помощника, матросов... Что из себя представлял корабль? Были ли особые приметы? Скульптура на носу, заплатки... Как часто он приходил? Когда был последний раз? Как отправляли письма?

Ах, прикрепляли на лапку голубю — и пусть летит, сам разберется... И даже не читали?

Неубедительно.

— Ах, читали. Но не копировали. Нет?

— Нет...

— А что помним из прочитанного? Рассказывайте все, любезнейший. Гладишь, и останетесь с целыми пальцами. И ушами. А то вирман спущу — у них давно руки чешутся.

Ага. А о чем догадывались?

Не догадывались?

— Лейф!

Ах, все-таки догадывались... Отлично. А теперь в подробностях — о чем.

Так. А теперь берем вот этот лист... это бумага... и пишем. Чистосердечное признание.

А потом и на пергамент перепишем.

Что, руки отнялись?

Так сейчас вирмане топором подправят. Вытешем из полена Буратино?

Лиля издевалась над купцом около трех часов.

Карист возмущался, пытался скандалить, кричать, сопротивляться, но он был один, а вирман почти два десятка. Так что попытки оказались тщетными, и ее сиятельство выяснила все, что хотела.

Когда графиня наконец ушла, Карист от души осенил себя знаком Альдоная, вытащил из-под прилавка заветную бутылочку и допил все оставшееся, как воду. Кошмар какой!

Не женщина, а Мальдонаино отродье. Сущее чудовище.

А вот что теперь делать? Рассказать обо всем заказчику, который передавал деньги?

Хм... Каристу казалось, что так поступать не стоит. А что тогда?

А жить спокойно. Ничего не видел, не слышал, не говорил и не знаю. И точка. Глядишь, и гроза пройдет мимо. Деревья-то она с корнем выворачивает. А вот скромный одуванчик...

Каристу очень хотелось жить.

Солнце садилось. И день уже не казался ему таким удачным.

— Ваше сиятельство, может, вернуться, прирезать этого хомяка? — пробасил Олаф.

Лиля замотала головой.

— Нет. Не надо. Если он дурак, сам нарвется. А если умный — будет сидеть и молчать. И может еще пригодиться. Это ведь не управляющий. Если мы уважаемого купца в тюрьму бросим...

Судя по лицам вирман, они бы и бросили, ничего страшного. Посидит — поумнеет. Нет у них уважения к «сухопутным крысам». Нет...

— Нам шум пока ни к чему. Еще удерут главные-то враги...

Это вирмане поняли. И закивали.

Лиля подумала, что пока все складывается очень удачно.

Они прибыли в город вечером. И она решила сразу нанести дружеский визит самому важному человеку. Тому, через которого проплачивалось ее убийство.

А сейчас придет на корабль, поужинает, выспится — и с завтрашнего дня займется делами.

Пусть подновят корабли, запасы продуктов... Наверное, пары дней на это хватит? И — в Лавери. По морю. Бэ-э-э-э...

Рассветный лучик заглядывал в окно.

Каюта качалась. Сейчас Лиля воспринимала это чуть полегче. Но все равно, нужно было отвлекаться от противного ощущения. Так что она перечитывала показания купца и хмурилась.

М-да. Главный враг у нее в столице. Что ему надо?

Да неизвестно. Но создается ощущение, что ненавидят не Лилю Иртон персонально. Ненависть направлена на Джеса. А ее устраняют, потому что она просто мешается под ногами.

И Миранда.

Ну уж нет! Не позволю!

За своего ребенка я всем тут глотки порву! Зубами грызть буду! Вы у меня, гады, все раскаетесь! Даже в том, чего не совершали... Посмертно.

— Мам?

Мири просочилась в каюту тенью.

— Да, малышка?

— Можно нам на ярмарку?

— Какую?

Оказалось, что в Альтвере есть и еще одна ярмарка. Небольшая, но ежедневная. Типа местного рынка. Лиля подумала и кивнула.

— Кто с тобой пойдет?

— Я, Марк, вирмане...

— Кто старший?

В дверь поскреблись, и в каюту заглянул Ивар.

— Ваше сиятельство, вы разрешите? Я наших женщин возьму, они за детьми присмотрят...

— Учти. За Мири, даже если она ноготь сломает, персонально с тебя спрошу, — пригрозила Лиля. — Ингрид идет?

— Идет.

— Вот. И с нее тоже.

— Все будет хорошо, — заверила Ингрид, — я за Мири присмотрю сама.

Вирманка была уже на третьем месяце беременности. И выглядела необычайно красивой. Про токсокозы она не слышала, а потому и не страдала. Наоборот — относилась к той редкой категории женщин, которых беременность только красит.

Сияли глаза, улыбались губы... И вся она словно светила изнутри сознанием будущего материнства.

— Ингрид, под твою ответственность.

— Слушаюсь, ваше сиятельство...

— Ваше сиятельство, — пастор Воплер просочился словно призраком, — я хотел бы...

- Да, пастор?
- Патер Лейдер приглашал меня в гости. Полагаю...
- Если мы сходим вдвоем, это будет полезнее. Согласна.

Когда?

- Может быть, сегодня?

Лиля призадумалась. Потом покачала головой.

— Пастор, мы не можем. Сегодня я приглашена к Торию Авермалу. И вы, кстати, тоже, как мой духовный наставник. А вот завтра с утра мы можем сходить на службу, ну и после службы уже...

Пастор задумался, но потом кивнул.

- Полагаю, так и правда будет лучше.

Лиля улыбнулась.

— Пастор, поговорите с Лонсом, подумайте, какой подарок лучше преподнести патеру Лейдеру?

- Может быть, книгу?

Лиля замотала головой.

— Нет. Это в Лавери. Там нас встретят более важные птицы, чем Лейдер. Кстати, привыкайте, пастор. Вы теперь не шушера из захолустья, а личный духовный наставник самой графини Иртон. Держаться надо с достоинством. И кстати, прогулялись бы вы, поговорили с сослуживцами...

- Ваше сиятельство?

— С другими пасторами. Абы кого я в Иртон не возьму. Вот и приглядитесь. Потом проведем собеседование. И в столу.

Пастор Воплер только кивнул.

Иногда ему казалось, что Лилиан Иртон просто рвется вперед. Да так оно и было.

Женщина освоилась в новом мире, слегка передохнула, и теперь ее влекло вперед и вперед.

Опасности? А то она в Иртоне была в безопасности! Щаз-з-з... Разве что конец зимы выдался спокойным. А до того... ей-ей, в портовой забегаловке и то уютнее, там хоть ясно, кто и за что. А тут — все подряд. А за что?

А просто так...

Лиля вздохнула. Посмотрела на вирман и Мири.

- Пока вы здесь стоите, там уже все раскупят.

Намек все поняли и улетучились. Лиля взглянула на пастора.

— Пастор, я не могу вам приказывать. Но я могу вас очень попросить.

— Я постараюсь выполнить любую вашу просьбу, ваше сиятельство.

— Пожалуйста, подумайте о людях. Вы лучше меня знаете, что есть люди, которые служат Богу, а есть те, кто служит в основном себе.

Пастор сморщил нос, но промолчал. Согласился.

— Ваше сиятельство, я не стану лгать...

— Я не посмела бы просить вас о лжи. Но если вы решите, что есть вещи, которые должны оставаться только между вами и Богом...

Кажется, идея оказалась новой для пастора.

— Я подумаю, ваше сиятельство.

Лиля кивнула. Воплер вышел. А она подошла к зеркалу. Посмотрела на себя.

Надо сделать зарядку. И написать письмецо Авермалю. Надо...

Барону Авермалю ее записку доставили за завтраком.

Вся семья как раз сидела за столом — барон с женой, два сына, три дочери, когда в дверь постучали. Так, что слышно было даже в столовой, а спустя минуту испуганный слуга доложил:

— Господин, к вам вирмане...

Торий вздохнул, послал супруге улыбку и вышел из столовой. А ведь жаркое точно остынет...

Но, когда он увидел, кто его навестил, все мысли о завтраке вылетели из головы.

— Ивар? Утро доброе... рад вас видеть.

— Достопочтенный Авермаль, я тоже рад. — Вирманин вполне успешно изобразил поклон. — Ее сиятельство графиня Лириан Иртон прибыла в Альтвер.

— Что?

— И будет рада видеть вас...

— А я-то как буду рад!

Торий не лгал. Человека, который за эту зиму увеличил его состояние мало не вдвое, он готов был встречать, любить и носить на руках. А то ж...

Раздумывал барон недолго.

— Ивар, я предлагаю вам присоединиться к трапезе. А ее сиятельство приглашаю на ужин в ее честь.

— Графиня просила передать вам...

Торий взял из рук вирманина небольшой конвертик.

— Это?

— Ее сиятельство просила передать.

Вирманин хитро усмехался.

Торий вскрыл письмо, потер в руках зеленоватый листок, совершенно не похожий на пергамент.

— Это...

— Ее сиятельство просила передать.

Торий понял, что всю информацию он получит от графини. И смирился. Пробежал глазами четкие строчки.

«Господин барон, я в Альтвере на пару дней. Буду рада с Вами увидеться.

Лилян Элизабетта Мариэла, графиня Иртон».

Ничего лишнего. Коротко и по делу.

— Ее сиятельство у кого-то остановилась?

— Нет, она осталась на корабле.

— Возможно, она примет приглашение провести пару ночей под моим убогим кровом?

Вирманин пожал плечами.

— Полагаю...

— Да-да, об этом надо говорить с ее сиятельством. Подождите меня. Я сейчас соберусь и прикажу, чтобы оседлали лошадь. Съезжу с вами, лично приглашу ее сиятельство.

Ивар кивнул.

— Подождем сколько нужно.

Торий кратко сообщил супруге, что уезжает по срочному делу, поцеловал дочек и поманил пальцем сына.

Дарий послушно вышел за отцом.

— Дарий. Сегодня я приглашу на ужин ее сиятельство графиню Иртон.

— Эту гадину? Эту...

Плюх!

Затрещина оборвала разговор в самом начале.

— Если не можешь вести себя прилично, чтобы я тебя на ужине не видел. И никто не видел. Скажем, что ты болеешь, понял?

Дарий хмуро кивнул. Задница чесалась от одного воспоминания о графине. Хоть и зажила, но... было ведь.

— Отец...

— Дарий, я понимаю, что она тебе не нравится. Но она нам выгодна. Это ты понимаешь? Нравится сорить деньгами по кабакам? А конь, которого я тебе купил? А та гончая у Лорельса? Вот то-то же. Если графиня откажется вести со мной дела, мы потеряем многое. А она себе партнера найдет.

Дарий кривил губы. Но не спорил.

Торий поступал очень правильно. Кнут и пряник. Кнут и пряник. Кнут был вполне реальным. А пряник... он тоже был. Слово «выгода» обладает волшебным действием. Оно смиряет самые бурные нравы и гасит самые яростные порывы души.

— Я... наверное мне лучше не показываться, — вздохнул Дарий.

— Вот и не показывайся. Ты меня понял?

— Да, отец.

Торий потрепал сына по плечу и вышел.

Ничего. Сначала так, потом еще пара шагов, и из дурака вырастет помощник отцу. Порка иногда оказывает замечательное просветляющее действие.

Лиля заметила бы, что при этом, видимо, происходит активизация головного мозга через спинной. Но ей Торий ни о чем рассказывать не собирался.

Графиня уже успела позавтракать, а сейчас сидела за столом в крохотной каюте и писала, когда в дверь поскреблись.

— Да?

— Ваше сиятельство, к вам барон Авермаль.

— Просите! — тут же откликнулась женщина.

Дверь распахнулась, и Торий буквально влетел в каюту, рассыпавшись в комплиментах.

— Ваше сиятельство, я так рад вас видеть! Позвольте заметить, вы очаровательны, как никогда!

Лиля улыбнулась.

— Барон, вы мне льстите.

— Ваше сиятельство, я прискорбно приземлен. Вашу красоту надо бы воспеть в стихах...

Лиля едва не фыркнула. Это насколько же их договор выгоден барону?

В зеркале — она видела, — отражалась вполне симпатичная женщина. Но и получше бывают, факт. Можно бы и щечки похудее. И второй подбородок пока прослеживается, и складок на боках явно больше одной.

Ничего. По сравнению с тем, что было, это просто мелочи жизни.

Просто по закону подлости, последний жирок сгоняется сложнее всего. Водичку «слить» несложно. А вот этот, осадочный жир, плотный и не желает уничтожаться... Спорт и только спорт. Ничем другим с ним не справишься.

— Не надо, барон. Давайте лучше поговорим о делах?

— Да, ваше сиятельство.

— Полагаю, вас устраивает наш договор?

— Д-да...

— Меня тоже. И я предлагаю продлить его. Просто за товарами придется отправляться в столицу.

Вообще, не так Торий и был необходим. Но зачем портить отношения? Лиля увидела, как барон перевел дух, и поняла, что угадала.

— Ваше сиятельство, вы позволите пригласить вас сегодня на ужин? Где мы и обсудим...

— Барон, я бы и рада принять ваше приглашение. Но со мной моя дочь, Миранда Кэтрин Иртон...

— Я буду рад ее увидеть.

— И старший сын Великого Хангана Амир Гулим.

— Он выздоровел?!

Лиля пожала плечами:

— Тахир Джиаман дин Дашшар — великий целитель. Чему тут удивляться?

— Ваше сиятельство, я надеюсь, вы передадите мое приглашение его высочеству?

Лиля снова пожала плечами.

— Барон, полагаю, вы знаете, что принцу положена свита.

Торий выглядел... вдохновенно.

— Ваше сиятельство, просто скажите мне, на сколько человек рассчитывать. Поверьте, я не опозорю ни Альтвер, ни Ативерну!

Клялся барон совершенно зря. Он бы не опозорил. Но вмешался случай.

Дарий, услышав отцовское наставление, отправился к другу. От дома подальше. Томми предложил парню прогуляться на ярмарку, зайти в трактир, короче — развеяться. И результат не заставил себя ждать.

Увы, ярмарка в Альтвере — это далеко не торговый комплекс «Олимпийский», а достаточно скромное место. И вирмане там выделялись, как собака Баскервилей в коллективе мопсов.

А дальше, что называется, воля случая.

Лейф на миг отвлекся, расплачиваясь за кожаные перчатки. Мири увидела красивую зеленую ткань и рванула за ней, решив, что это надо купить для Лили. Ингрид помчалась за девочкой. И обе они вылетели аккурат на Авермаля с другом.

Мири-то пролетела мимо. Ибо в силу мелкости и подвижности не годилась для лова. Да и незнакомы с ней были ни Дарий, ни Томми. А вот Ингрид...

Ее сложно было забыть.

— Ты! — выдохнул Дарий.

— !!! — выдохнул Томми.

Действительно, Ингрид была чудо как хороша. Золотые волосы, стройная пока еще фигура в платье уже не вирманского, а скорее иртонского покроя — в стиле ампир, голубого цвета, с пропущенной под грудью лентой цвета тех, что в волосах...

Руки у Дария потянулись вперед головы.

Видимо, на головной мозг и одновременно на другой орган соображалки не хватило. Пальцы ухватили ленту на платье, Ингрид с визгом отскочила назад. Подоспевший Лейф отпихнул Дария так, что тот полетел в ближайшую лужу, а не растерявшийся Томми заорал что есть мочи:

— *Стража!!!*

По тому же закону подлости стража нашлась практически сразу. И какова была картина, представшая ее взорам? Ингрид, почти без чувств, прячется за спину Лейфа, бароненок выбирается из глубокой грязной лужи, а Томми визжит что есть сил:

— Взять их!!!

Честно говоря, сам бы Томми с вирманами связываться побоялся. Но Ингрид!

Выглядела она так, что у привыкших к безнаказанности мальчишек вовсе отключились все инстинкты, кроме полового. А ведь если начнется разбирательство...

Дарий, может быть, и пришел бы в себя — не дали. Не успел он еще вылезти из лужи, которая, как на грех, оказалась глубокой, глинистой и со скользким дном, как на Лейфа уже были нацелены копыя, а вирмане приготовились драться.
— Стоять!!!

Крик был детским, но вполне властным. А маленькая фигурка, вклинившаяся между двумя группами противников, выглядела...

Лиля заботилась не только о своем внешнем виде. Но и о виде Мири. И девочка была одета, как маленькая принцесса. А в чем-то, может, и лучше.

Для похода на ярмарку Мири выбрала юбку-брюки и жилет зеленого цвета и желтую шелковую рубашку. Все это было украшено вышивкой, кружевной воротник красиво облегал тонкую шейку, а янтарная брошь в виде совы на плече ненавязчиво подчеркивала, что обладательница — не из простых дворянок. Мало кому по карману будет такая редкость, как белый янтарь. Да еще в столь изящном исполнении — коричневое тело, белая голова, желтые глаза... Мири сама помогла Хельке и ценила эту брошь больше других.

Да и черные волосы были собраны гребнем с тем же янтарем... Стражники замешкались. Дураками они не были. Так вот поднимешь руку — и протянешь ноги. Мало ли кто...

Мири не стала держать людей в неведении:

— Я виконтесса Миранда Кэтрин Иртон. Как вы смеете нападать на моих людей?

Прозвучало это вполне по-взрослому. И впечатления не испортил даже сорвавшийся в конце фразы голос.

Страшно же. Когда ты маленькая, а копыя большие... и даже собаки рядом нет... осталась рядом с Амиром... Мири вздрогнула. Но виду не показала. Это — ее люди. Лиля так объяснила. Она в ответе за своих людей, а они отвечают только перед ней. И перед Мири тоже. А то как же... Она — виконтесса Иртон!

— Да какая она виконтесса! — завизжал Томми. — Врешь ты все!

И улетел в ту же лужу от удара Лейфа. Сбил только что поднявшегося Дария с ног, и парни закувыркались в грязи, как два борца.

— Лейф! Стоять!

Эх, вот почему у Лили выходит рывк, а у нее только визг!

Стражники не связались бы с вирманами — они ж не самоубийцы. Но все на нервах, и движение Лейфа было воспринято, как агрессия. Требовалось срочно защищаться.

— Не-э-э-э-эт!!!

Мири бросилась вперед, и всем телом повисла на копье, которое занес один из стражников. Только не дать бросить! Если начнется драка — ее первой затопчут. Стражник занес руку — отшвырнуть наглую девчонку, но не успел. Вовремя подоспевший мужчина схватил девочку, оттаскивая ее в сторону.

— Опустить оружие!!! Не смейте!!! Вас повесят!

Мири на миг перевела дух.

Тахир.

Ну хоть что-то...

— Господин дин Дашшар, мы гуляли по ярмарке, когда эти двое напали на нас. — Палец девочки ткнул в сторону Томми и Дария (плевать, что так некрасиво, зато действует). — А когда мои люди попытались нас защитить, натравили на нас стражу!

Копья медленно опустились.

Тахир Джиаман дин Дашшар только головой покачал:

— Уважаемые хранители порядка, хвала Звездной Кобылице, что я оказался здесь. Вы могли ненароком причинить вред виконтессе Иртон.

Копья скромно убрались из виду.

Мири перевела дух. На миг.

— Никого мы не трогали! — завопил из лужи Дарий, который очнулся наконец и сообразил, что с ним сделает отец за ссору с Иртонами.

— Магистрат, — подсказал девочке тихим голосом Тахир.

— Я требую, чтобы нас всех проводили в магистрат и послали известие моей матери, графине Иртон, — громко заявила Миранда.

Вот это стражников вполне устроило. Как бы и всех зачинщиков доставят пред очи градоправителя, а там он пусть сам разбирается. Главное — им не нагорит.

Наверное, они были единственными, кому в этой истории и не нагорело.

Спустя два часа инцидент был исчерпан.

Стражники действительно послали весточку графине, справедливо решив, что лучше не быть крайними в разборках высокородных. Лиля взвыла и помчалась в магистрат, наплевав на все правила дорожного движения. Только чудом Лидарх никого не затоптал. А охрана догнала ее на середине пути, чем вирмане были весьма недовольны. Не любили они отпускать графиню одну. Мало ли что...

В магистрате царило благолепие. Лилию задержать даже и не попытались. Судя по лицу женщины — она сейчас растоптала бы слона, перешагнула и помчалась дальше. Чиновники себя слонами не считали, вот и не полезли под руку. Лиля вихрем взлетела на второй этаж...

Торий орал на отпрыска, Миранда сидела в большом кресле и пила что-то розовое из чашки, Тахир стоял рядом, держал ее за запястье и считал пульс. Томми жался в углу, ожидая, пока придет его родитель, Лейф утешал плачущую Ингрид, которая совершенно расклеилась, а остальные вирмане поливали Дария и Томми такими пламенными взглядами, что оставалось только удивляться — почему на парнях до сих пор одежда не загорелась.

— Все живы?

Миранда слетела с кресла и бросилась к Лиле:

— Мам, я так испугалась!

Лиля подхватила девочку на руки и испепелила барона гневным взглядом. Тот ответил виноватой гримасой.

— Рассказывай, малышка...

Мири послушно пересказала все случившееся. Лиля слушала спокойно. Потом поцеловала девочку в нос.

— Миранда Кэтрин Иртон. Я тобой горжусь. Ты поступила абсолютно правильно.

Не абсолютно, но где уж маленькому ребенку все сообразить. И это-то чудо! Девочке ведь еще восьми нет, а уже так... Умничка, какая же умничка!

Лиля повернулась к Лейфу.

— Так. Лейф Эриксон Эрквиг. Какой Мальдонаи ты полез в драку? У тебя на руках беременная жена, на тебе девочка, а ты?!

Лейф потупился.

— Да я вроде как просто оттолкнул...

— Господин барон! Вашего сына осмотрели? На нем есть синяки? Ссадины? Царапины?

Торий покачал головой. Синяков не было. Разве что немного, там, где он ворочался и падал в лужу. А Лейф действительно почти не бил. Просто... силы-то разные. Вирманин, который привык направлять корабль в бушующем море, и сопляк, которого можно пинком снести.

Лиля вздохнула.

— Лейф, если такое повторится в столице...

— Если кто-то начнет хватать мою жену своими грязными лапами — еще как повторится! — рявкнул Лейф.

— Ингрид?

Вирманка закивала.

— Они хотели...

Но Лиля уже обнаружила полуоторванную ленту на голубом платье. И к Торию Авермалю развернулась настоящая мегера:

— Господин барон. Мы отплываем. Счастливо оставаться.

Торий аж взвыл, понимая, что это — разрыв отношений. Полный. Но сказать ничего не успел. Дарий все-таки не был законченным идиотом. Он бросился вперед и упал на колени перед графиней.

— Ваше сиятельство, отец не виноват...

Лиля резво отпрыгнула в сторону. Хотя было, было большое желание пнуть этого кретина в челюсть. Да так, чтобы он всю жизнь протертыми супчиками питался. Скот!

— Он виноват в том, что не воспитал сына человеком. Моя семилетняя дочь ведет себя лучше, чем дворянин, которому уже за двадцать, — это как?

Дарий покаянно опустил голову.

— Ваше сиятельство, хотите — казните. Только не гневайтесь.

Торий крепко сжал кулаки. Чего ждать от графини, он даже не подозревал.

Но Лиля чуть смягчилась:

— Если бы с головы моей дочери упал хоть волосок, я бы сама вас прибила. А так... Я не требую наказания. Мы просто уезжаем.

— Ваше сиятельство... вы ведь с отцом в хороших отношениях...

— Ваше сиятельство, — подал голос барон. — Не смею просить вас о милости...

— Мам, он неплохой, — сказала Мири.

Лиля тряхнула головой.

— Встаньте, любезнейший. Вас я больше видеть не хочу. Господин барон, мы отплываем завтра. Полагаю, вашей супруге нет необходимости готовить званый ужин. Мы не в том состоянии.

Торий перевел дух, стараясь сделать это как можно более незаметно.

Гневается. Имеет право. Но партнерство уже не разорвет. Не должна.

И может быть, не пороть так Дария? Все ж таки...

Лиля с трудом дотерпела до корабля, где и устроила разнос Лейфу. Впрочем, орать не стала. Прошли те времена. А вот напомнить о беременной жене, о людях, о долге перед ними... это Лиля смогла. Да так, что вирманин вылетел из каюты с красными ушами. Досталось и остальным сопровождающим. Что, у семи нянек дитя повесилось?

Болваны!

Впрочем, от Лейфа вам все равно сильнее достанется.

Тахира Лиля поблагодарила. А Мири занялась вплотную.

У девочки начался отходняк от пережитого. Малышку трясло, у нее зуб на зуб не попадал, хотя в каюте было жарко и даже душно, она цеплялась за Лилию и бормотала, что было так страшно, и эти копы... и хорошо, что ее учили, и она едва не... Ведь и Лейф и Ингрид могли умереть...

В своего щенка она вцепилась так, что аж пальцы побелели. Пришлось отобрать собаку, пока не задушила.

Лиля кое-как напоила ребенка успокоительным сбором, уложила в кровать и сидела рядом. Кстати — вместе с принцем. Амир Гулим примчался почти сразу. Был гневен и возмущен, обещал оторвать Авермалю все выступающие части тела и скормить пустынным шакалам. Планы пришлось подкорректировать.

Явился Торий Авермаль. И с ним отец Томми. Клеменс Триоль. Купец. Но из зажиточных.

Лиля оставила малышку на попечение принца, который принялся рассказывать девочке какую-то сказку, и вышла к мужчинам.

Оба раскланялись и принялись извиняться за своих отпрысков.

И они не хотели.

И дети дураками выросли.

И красота вашей подруги, ваше сиятельство...

Лиля плюнула. И махнула рукой.

— Барон, мы завтра будем на службе и отчалим с вечерним приливом. В гости мне к вам теперь не хочется. Сами понимаете. Я лучше с дочерью посижу.

— У вас замечательная дочь, ваше сиятельство...

Клеменс тоже принялся расхваливать Миранду и сетовать, что за делами свой-то сын дураком вырос. Лиля со злостью посоветовала розги. Она уже знала, что, если бы не Томми, все бы обошлось. Приспичило идиоту орать!

Потом принялись торговаться. С одной стороны — бардак по вине принимающей стороны. Из-за их сначала недоделанных, а потом и недопоротых детей. С другой — Лейф тоже сдержанности не проявил. Но тут уж Лиля встала грудью и заявила, что не настанет таких времен, когда воин должен сначала к судье бежать, чтобы свою жену защитить от всякой дряни.

Мужчины впечатлились. И договорились на вполне приличную компенсацию Лейфу и Ингрид. За моральный ущерб. Тут такого слова пока не знали, но...

Казни или порки Лиля требовать не собиралась. Ваши дети — вы их и... того-с. Розгами.

Стороны расстались более-менее успокоенные. Торий — тем, что графиня будет поддерживать с ним деловые отношения. Клеменс — тем, что графиня не потребует разборок. Лиля — общей ситуацией. Уж очень не хотелось врагов приобретать. Но и не потерять лицо тоже важно... Ладно! Все сложилось и устаканилось. И вообще — лечь сегодня спать пораньше. Почему нет? Посидеть с Мири, а потом там же и спать лечь. Она тоже не двужильная.

Размечталась. В каюте ее ждал Лонс Авельс:

— Ваше сиятельство, можно мне...

— Что? — почти стоном вырвалось у Лилиан.

— Два слова.

— Слушаю.

— Ваше сиятельство, вы с Авермалем дальше работать будете?

За зиму Лиля набралась от шевалье хороших манер. А он, незаметно для себя, перенял кое-что из жаргона 21-го века. Даме — и вдруг работать! Да раньше бы он и слова-то такого сказать не посмел! А тут...

— Не знаю. А что?

— Что будет при дворе — неизвестно. Но вы — графиня Иртон. Если что, мы ведь сюда вернемся...

Лиля кивнула. Она поняла. Если что — Лонс сюда точно сбежит с супругой, и рушить отношения с Авермалем ему совсем некстати. Так что надо бы...

— Что ты предлагаешь?

— Товары ему отослать. Деньги с него Лейф получит.

— А Мири? Да если бы с ее головы хоть волосок упал. — Лилию затрясло.

Шевалье вздохнул.

— Ваше сиятельство, ведь этого не случилось.

— Но могло.

— Так Дарий и не сильно виноват. Там второй орал...

Тоже верно.

— Ладно. Товары отошлю. Но подарки — нет.

— Так подарки и есть излишек. Нам в столице все пригодится, — тут же согласился Лонс. — Ваше сиятельство, я распоряжусь?

— Сама распоряжусь. Кого-нибудь из вирман позови, Олафа там или Ивара...

Лонс вылетел за дверь. Лиля потеряла виски. В такие моменты ей хотелось обречься под ежика. Корона из кос давила на голову не хуже тернового венца. А то и посильнее. Вес-то несопоставим.

Ладно. Сейчас дождемся вирман — и спать, спать, спать.

Только перед этим...

Торий вернулся домой не слишком довольным. Дарию досталась затрецина, жене — ругательство, барон заперся в кабинете. Где и глушил наливку, пока в дверь не постучались.

— Господин барон, тут, говорят, от графини Иртон.
Барон подскочил и помчался вниз.

Сундук был небольшим, но несли его очень осторожно. Двое вирман смотрели без всякой приязни. Хотя за оружие не хватались.

— Ее сиятельство просила передать.
Письмо было кратким.

«Господин барон. В силу сложившихся обстоятельств ужин не состоится, но рушить наш договор из-за глупости вашего отпрыска и его друзей я не стану. Поэтому передаю все причитающиеся товары для последующей перепродажи.

Лилиан Элизабетта Мариэла, графиня Иртон».

Уйти так просто вирманам не удалось. Они были всячески обласканы, чуть ли не силком накормлены, напоены и едва не расцелованы, пока барон писал ответное письмо.

«Ваше сиятельство.

Я могу только еще раз упасть ниц к вашим ногам, умоляя о прощении. И отметить, что ваше великодушие не уступает вашей красоте.

Я благодарен вам и надеюсь увидеться еще раз — завтра на службе.

Вы всегда можете на меня рассчитывать.

Искренне ваш, Торий, барон Авермаль».

Немного зеркал, немного кружева, стеклянный разноцветный бисер, стеклянные кубки разных цветов... Бешеная прибыль.

Дария отец не выпорол. Но посадил на хлеб и воду на три десятинки. С молитвами. Для пущего вразумления. Впрочем, Дарий был и так счастлив без памяти, что легко отделался. И даже слегка был благодарен графине Иртон. Если бы она разорвала партнерство...

А вот Томми пришлось намного хуже. Сидеть он не мог больше десятинки. А когда смог — еще месяц находился на хлебе и воде под домашним арестом.

Какой козел придумал, что служба должна начинаться на рассвете?

Какой козел изобрел такие ранние рассветы?

Все — козлы! Спать хочу.

Лиля откровенно не хотела идти на службу. А никуда не денешься. Надо.

Вирмане и ханганы остались на кораблях. Лилю сопровождали пастор Воплер, Лонс Авельс, Миранда, еще несколько людей Лейса, мастера, кружевницы.

В этот раз Лиля шла пешком. Благочестие-с...

У храма она встретилась с Торием Авермалем. Тот прибыл со всей семьей, кроме Дария. Раскланялся с Лилей, рассыпался в комплиментах, но Лиля приняла их сдержанно и холодно. Вы еще не заслужили полное прощение. Договор есть договор, но не дружба.

Служба шла. Патер Лейдер пел. Красиво, ничего не скажешь. Но в шесть утра Лиля предпочитала спать. И подольше.

Наконец все закончилось. Лиля решила подождать, пока все не побеседуют с патером, но куда там. Симон Лейдер почти сразу после службы подошел к ней, раскланялся и пригласил в гости.

Лиля вздохнула. Оставила Миранду на попечение Марсии и вместе с пастором Воплером прошествовала за Лейдером.

В «гостиной» было тепло и уютно. Горел камин, стояли кресла. Патер лично сопровождал графиню к одному из кресел, поцеловал ручку и улыбнулся так, что Лиля ощутила желание заехать ему в зубы.

А нечего на грудь глядеть такими сальными глазами.

— Ваше сиятельство, вы так похорошели с момента нашей последней встречи...

— Благочестивая жизнь в глуши пошла мне на пользу, — парировала Лиля. Откровенно нагло.

Из Иртона она уезжает. А в столице... А там мы попробуем наладить отношения с альдоном. Хотя и тут рушить их не надо. Но! Она — графиня, а это — захолустный патер.

Прогибаться под него не будем. И точка.

— О да. Эввиры, вирмане, ханганы... Ваша свита не оставляет сомнений в вашем благочестии. — Патер принял вызов.

Лиля послала ему улыбку.

— Святая Лиара жила среди вирман, пытаясь обратить их в истинную веру.

— Вы равняете себя со святой?

— Вовсе нет. Именно поэтому не я живу среди вирман, а они в моем доме. Но пастор может подтвердить, что мы пытались обратить их в истинную веру.

Кенет Вовлер моргнул.

— О да, патер. Я не могу сказать, что многие из них пожелали воцерковиться, но дети вирман знают Святое слово, а сами они ходили к службе.

Ага. Иногда. И после долгого разговора Лили и Лейфа.

Лиля вовсе не собиралась посягать на чью-то веру. Но и мир в Иртоне был необходим. Поэтому примерно раз в месяц Лейф и команда таки скучали на службе. Отнеслись к этому, как к дополнительным караулам, составили график и честно приходили послушать. Или поспать под звуки песнопений. Как настоящие воины, они отлично спали и стоя, и даже с приоткрытыми глазами.

В итоге в Иртоне мир и покой, пастор счастлив — язычники его слушают. А вирмане спокойны — их даже задирать перестали. Хоть и безбожники, но на службу ж ходят... Может, тоже поумнеют да людьми станут?

— Вот как? И многие из них пожелали воцерковляться?

— Мы работаем над этим, патер.

Вот так. Работаем мы. И докажи обратное.

— А ханганы?

— Полагаю, если вас не устраивает присутствие в Иртоне или Альтвере наследного принца Ханганата Амира Гулима, я могу отписать об этом его отцу. Он наверняка снизойдет и проявит понимание.

Лиля улыбалась так, что патер едва не выругался. Издеваешься, зараза?

Ну, я тебе...

— А эввиров вы тоже...

— Пытаюсь обратить в истинную веру.

— А праведные люди в вашем окружении есть?

— А тех, что пришли сегодня, было мало? Патер, что вас не устраивает? Я отстроила в Иртоне два храма, не считая того, что расположен в замке. Я со вниманием отношусь к словам своего духовного наставника. — Лиля уже откровен-

но наезжала. — Иноверцы? Так и при дворе его величества послы есть. Что ж теперь — выслать всех или святиться заставить?

Патер сверкнул глазами.

— А ваш супруг об этом знает, ваше сиятельство?

— А почему вы у него не спросите?

Лиля попала не в бровь, а в глаз. Джерисон даже не подумал ответить патеру. Всякая шушера тут еще писать будет!

Патер поморщился, словно ему перец в нос попал.

— Я вообще не понимаю, патер, на каком основании вы мне тут устраиваете допрос, — перешла в наступление Лиля. — Что я такого сделала, чем заслужила подобное отношение? Вы словно пытаетесь найти во мне какой-то изъян.

— Как вы могли такое подумать, ваше сиятельство. Просто забота о душах...

— Это тоже ваш долг, я понимаю. Но пастор может подтвердить, что я практически никогда не пропускала службу и со вниманием относилась к его словам.

Разговор длился еще минут пятнадцать. Патер изворачивался и так, и этак, пытался подловить Лилю хоть на чем-то, но куда уж бедняге было равняться с девчонкой из гарнизонного городка.

Вот представьте себе.

Все у всех на виду, на одном конце чихаешь — на другом «будь здоров» говорят, любую новость обсуждают по месяцу... Поневоле изворачиваться и сплетничать научишься. А где одно, там и другое. Оправдываться Лиля умела виртуозно. И вообще.

Все согласно старому анекдоту.

— Дорогой, я и моя подруга видели тебя в гостинице с любовницей.

— Дорогая, я не был в гостинице, у меня нет любовницы, твоя подруга ошиблась, ты ошиблась, это был не я... ну и так далее.

Главное — не признаваться. Ни в чем, никогда, ни за что. Чистосердечное признание хоть и уменьшает вину, но увеличивает наказание. Однозначно.

Так что патер поборолся с Лилей и плюнул. И сосредоточился на пасторе Воплере.

— Сын мой, вы не хотите принести мне свою исповедь?

Воплер кивнул.

— Да, патер. Я хотел бы раскрыть душу и, возможно, получить совет. Мне нелегко.

Лиля вздохнула:

— Пастор, мы будем ждать вас.

— Ваше сиятельство, не стоит...

Бесполезно.

— Пастор, вчера чуть не пострадала моя дочь. Если что-то случится с вами — я себе век не прощу. Это не обсуждается.

Мы ждем вас.

И вышла обратно в храм.

Пастор Лейдер ни прощания, ни прощения не удостоился. Наоборот, Лиля поставила себе галочку — узнать, за что его сюда сослали. И если удастся — сослать его еще дальше. На местные Соловки. К чертовой матери!

Копать он под нее вздумал! Да еще так топорно!

Каз-зел!

Для пастора Воплера настал сложный момент.

Кенет отнюдь не был глупцом. О нет... Он многое видел, многое понимал, о многом размышлял. Только вот... Он был болезненно честен в своей вере. Он знал, что Альдоной существует, готов был убеждать в этом каждого встречного и жить только по его заветам.

Ага. В юности.

Потом жизнь резко обломала его мечты.

Как обнаружил Кенет, начав жизнь пастора, вера и религия — это две большие разницы. Примерно такие же, как корова и присосавшаяся к ней пиявка. Иначе Кенет не мог назвать тех своих братьев по церкви, которые паразитировали на людях, пользуясь их верой и наивностью. Увы...

Оказалось, что в церкви полно мерзавцев, которые больше думают не о том, как принести свет в души людей, а о своей личной выгоде. Что любого можно оклеветать, подставить, обидеть, заслат в такой глухой угол, в котором даже и докторуса нет.

Можно.

Кенет понял, что ему никогда не выбраться из Иртона. А когда умерла его жена, потерял всякую надежду на счастье. И принялся беречь и воспитывать Марка.

Все изменилось с появлением Лилиан Иртон.

Он помнил, как горел храм. Помнил чувство острой безнадёжности. Помнил, как боялся за сына — ведь все его сбережения... Чем он будет кормить мальчика зимой? Ан нет.

Лилиан Иртон забрала их в замок, одела, обула, накормила, приставила Марка учиться, причем вместе с юной виконтессой. Это было сродни чуду. Помощи с неба. Подарка Альдоная.

Но, когда он как-то попробовал заговорить с графиней о своей благодарности, та только отмахнулась.

— Пастор, вы что — полагаете, я могу бросить кого-то умирать голодной смертью? При чем тут благодарность? Это нормальный поступок. Это мой долг как графини.

Да, но долг не включал всего, что дала ему Лилиан Иртон. К Кенету вернулся смысл жизни.

Он отлично понимал, что вирмане не сильно воспринимают его проповеди. Но... пусть не святятся! Важно другое. Если он посеет в их душах и в душах их детей хотя бы одно семечко истинной веры — все уже было не зря.

Пусть не сразу, но оно прорастет.

А за Марка он вообще готов был графине руки целовать. Он не знал, что и когда от него потребуют, но был готов платить.

Увы...

Только спустя несколько месяцев он понял, что Лилиан Иртон все делала совершенно бескорыстно. Она ничего от него не ждала. Только духовной поддержки, которую он и так должен был ей оказать. Вот и все.

Она не требовала благодарности, она не торговала своими милостями, она просто делала. И пастор преисполнился благодарности. Он видел странности графини. Но видел также, что они не несут зла в мир. Наоборот. Правильно использованные, они дадут много хорошего. Она лечила, учила, заботилась, трудилась наравне со всеми и никогда не требовала для себя благодарности...

А вот патер Лейдер добрых чувств у Кенета не вызывал. Ибо был представителем касты церковных карьеристов и выжиг.

Кенет привычно опустился на колени для исповеди.

— Брат мой в вере, моя душа сейчас чиста и спокойна.

— И тебя не тревожат язычники?

— Графиня делает все, чтобы они узрели свет истинной веры. И я, недостойный, стараюсь способствовать ей в этом.

— И не тревожит тебя поведение самой графини?

— Брат мой, я тесно общаюсь с ней. Она добра, умна и благородна. Если бы в ней было хоть пятно черноты, я заметил бы это. Но она бережется от происков Мальдонаи.

— Да неужели?

История с Дамисом Рейсом заставила патера сдвинуть брови. А данное объяснение — мол, графиня считает, что Альдоной соединил и расторгнуть этот союз нельзя. А осквернять свою клятву перед Богом и свое ложе — вовсе последнее дело, что бы там в семье ни происходило... Такого бесчестья ни для себя, ни для своей семья графиня не допустит.

Поступки Лили можно было подать по-разному и истолковывать тоже. И невольно пастор Воплер выбрал самый выгодный для графини вариант, объясняя все ее заботой о ближнем и верой в добро.

Патер Лейдер слушал, но увы. Кроме того, Кенет не упомянул о многом. Ни о контрабандистах, ни о покушениях. Зачем? Это дело власти, но не церкви. Тело, а не душа.

Из этого компромата было просто не выкроить.

Так что спустя час Кенет оставил Симона весьма недовольным и направился туда, где его ждали.

Завтра он поговорит с двоими своими собратями по вере. Настоящими, не такими, как этот лохотворный крысюк. И они отправятся в Иртон. А он — с графиней в столицу.

Страшно, да.

Но может быть это испытание в вере, которое посылает ему Альдоной?

Верую, Господи.

Из Альтвера отплывали с вечерним приливом.

Лиля стояла на корме, мучилась подступающей тошнотой и мрачно мечтала об изобретении паровозов. Или самолетов.

В целом первые визиты прошли неплохо. Не считая этого случая с Авермалем. Но тут уж пусть сына воспитывает. А то надо же! Увидел девчонку на улице — и повело! Спермотоксикоз, однако, снимать надо. А то ведь могут и другие снять.

Вместе с головой.

Лейф более-менее успокоился, получив крупную сумму от Авермаля, ему Торий тоже приносил свои извинения. Он бы и в три раза больше выплатил, лишь бы Лиля не гневалась. Факт.

Рвать контакты с Торием пока действительно нельзя. Если придется вернуться в Иртон — барон незаменим. А Лиля, честно говоря, не возражала бы. За зиму она оценила эту глушь. Где тихо, спокойно, уютно, теперь еще и хорошие соседи будут... Если Джейми утвердят в баронах приказом его величества.

Хочется ли ей жить в столице?

Да на фиг!

Грязно, скучено, вонюче, и все эпидемии — ее. И все проишествия.

А с другой стороны, она медик. Она в Иртоне квалификацию, к чертям, растеряет. Может, и стоит остаться? Где-нибудь под боком у отца?

Лиля не знала.

Неизвестным компонентом в ее расчетах пока оставался Джерисон Иртон. Что сделает этот друг, крепко получив по ушам?

Сложный вопрос. Мужское самолюбие — штука такая. Топтать, пинать и забывать про него не стоит. Иначе потом так огребешь...

А с другой стороны — помереть ей, что ли, было?

Желудок забурчал особенно громко, и Лиля, перегибаясь через борт корабля (подветренный, уже выучила, куда блевать лучше) мрачно подумала, что умереть было бы быстрее.

А до столицы почти две недели пути... буэ-э-э-э-э-э-э...

— Рик, ты все собрал?

Ричард посмотрел на кузена:

— Все. А ты?

— Слуги еще копаются, но уже почти. Итак, в дорогу?

— Да, пора. А то Бернард обидится, что у него почти не погостим.

— Он и так обидится. Судя по сплетням — жлоб жуткий. Родную дочь в черном теле держит.

Рик махнул рукой:

— Будет королевой — приоденем. А нет — так и не надо.
В дверь поскреблись.

Рик открыл и присвистнул. На пороге стояла Анелия Уэльстерская. Джес, не будь дурак, тут же козлом скакнул за штору, пока не заметили. Он не проболтается, а случись что — свидетель Рiku обеспечен.

— Ваше высочество, вы разрешите мне...

— Разумеется, госпожа. Прошу вас. Но почему вы...

Анелия подняла руку.

— Ваше высочество, у меня не так много времени. Я должна быстро вернуться. Я... вот.

Принцесса протянула медальон, который показался большим в ее маленькой ручке.

— Ваше высочество?

— Это на память о нашем лесном приключении... И обо мне, если не вернетесь.

Рик вздохнул.

— Ваше высочество.

Анелия закрыла ему рот рукой.

— Нет! Не клянитесь, не обещайте, не говорите ничего. Просто знайте... я буду вас ждать. И молиться за вас, даже если вы не вернетесь.

Девушка на миг придвинулась к Рiku и коснулась губами его щеки. Робко-робко...

Тут же отодвинулась.

По щеке принцессы скатилась прозрачная слезинка. Она всхлипнула и опрометью вылетела из комнаты.

Расслабиться Анелия смогла только у себя в покоях.

Идею ей подсказал Альтрес Лорт, он же дал медальон. Но... Сама Анелия лучше и не придумала бы.

И сейчас ей казалось, что Рик вернется, обязательно вернется.

Его высочество предъявил подарок вылезшему из-за шторы и старательно отряхивающемуся другу.

— Ты посмотри...

Обычный золотой кружок, на крышке выбита морда рыси. Видимо, на память.

— А что внутри?

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Альтверская паутина	9
<i>Глава 2.</i> Столица нас встречала по одежке	46
<i>Глава 3.</i> Мы к вам приплыли на прием... Привет! Бонжур! Хэллоу-у-у-у-у!	80
<i>Глава 4.</i> Новые родственники	118
<i>Глава 5.</i> Знакомства в верхах и низах	179
<i>Глава 6.</i> Переговоры на высшем уровне	255